

Харузин Николай Николаевич

**Медвежья присяга и
тотемические основы культа
медведя у остяков и вогулов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н63

Н63 **Николай Николаевич Х.**
Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов / Харузин
Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 76 с.

ISBN 978-5-521-28910-3

ISBN 978-5-521-28910-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

1.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибѣгаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебного доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершеніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придаютъ остяки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещенные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ приемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остяковъ на медвѣжьей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говоритъ при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестію сію клятву утворяете и несправедно служить и радѣть въ отда-

ни ясаку будете, звѣрь сей отмщеніе вамъ да будетъ, и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубитъ тя, аще не правдою (и?) вѣрностію, ею-же общаешься, творити хо-щеши“¹⁾).

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности оажу: то чтобъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобъ мнѣ заколоться“²⁾).

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще клятва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остяковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остяковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершеніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чемъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть“.

Другой способъ принесенія клятвы на медвѣдь описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершеніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжьій носъ и произноситъ: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь“³⁾. Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

¹⁾ Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

²⁾ Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

³⁾ Этнографическія замѣчанія и наблюденія, — въ Этнограф., Сборникъ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словам Кастрена, обвиняемый, если онъ дѣйстви-тельно виновенъ, предпочтетъ сознаться въ преступленіи, но не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описаніе очистительной присяги у остяковъ: „Даютъ виновному медвѣжьей зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животнаго“ ¹⁾.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остяковъ и вогуловъ, Н. Л. Гондатти, сообщаетъ также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висающимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ ²⁾.

Алквистъ ³⁾ упоминаетъ объ интересномъ обычаѣ вогуловъ, заключать союзъ, скрѣпляя послѣдній „медвѣжьей присягой“: русскіе и вогулы, отправляясь совместно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію вогуловъ, раздѣляемому и русскими, съѣденъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаевъ инородцевъ Tobольской губ.—вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда уликъ окажется недоста-

¹⁾ Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, — въ Трудахъ Этнографическаго Отд. И. О. Д. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

³⁾ Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика: принимающій присягу долженъ, стоя на колѣняхъ, поцѣловать медвѣжьё голову, или укусить медвѣжьей зубъ или кожу ¹⁾.

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью остяковъ. „Подобныя присягой обязательства, пишетъ онъ, ²⁾ гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходитъ, въ большей части инновѣрческихъ въ Сибири народовъ въ употребленіи“. Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и остяковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастренъ сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдѣ. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжьё голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаютъ медвѣдя могущественнѣе даже своего фетиша (хай), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенымъ самоѣдамъ разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. ³⁾ Вышеприведенныя правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, относятся не только къ вогуламъ и остякамъ, но и къ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой. Въ изложеніи Кастрена, однако, есть данныя, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланнаго изъ снѣга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака“. Въмѣсто фетиша употреблялась иногда медвѣжья голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтчикомъ, а истцомъ ⁴⁾.

1) Д. Я. Самоквасовъ: Сборникъ обычн. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

2) Палласъ, I. с., стр. 74.

3) Этнографическій Сборникъ. 1858, IV, стр. 295.

4) Ibid. стр. 295.

У юраковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуется медвѣжьей шкуру, послѣ чего одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго“—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животного.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебного доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга“. Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершеніи кражи, „сперва увѣщываютъ обвиняемаго, пишеть напрг. г. Щукинъ, обнадеживаютъ его прощеніемъ, лишь бы заплатилъ, что стоитъ украденное; но когда видятъ, что слова бесполезны, приносятъ въ юрту медвѣжью голову и кладутъ на полъ подлѣ огня; въ то же время ставятъ на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставятъ на колѣни и велятъ произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло это пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и, чтобъ медвѣдь такъ меня изѣлъ, какъ я теперь буду кусать его“. Тутъ велятъ ему выпить немного масла и три раза угрызть медвѣжью голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитуемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшится на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я и не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги“¹⁾).

Дальше, пишеть г. Третьяковъ, практикують слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги“: собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжью лапу выѣстъ съ когтями. Пока лапа горить, присутствующіе держатъ руки надъ костромъ. Чрезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы“ у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ ²⁾).

Не увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ“ у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остяки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

1) Н. С. Щукинъ: Якуты, — въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

2) Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему нерѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ ¹⁾. Что же касается до клятвы ножомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остяковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на маслѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ приемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистически-фетишистское представленіе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣетъ свою душу, свое второе я, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь надѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, привносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитие религіозныхъ представленій не измѣняетъ приемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающій видитъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножъ, топоръ, ружье, копье и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо изберетъ орудіемъ своей мести предметъ, на которомъ приносятся присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно иное: присягающій вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого приемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

¹⁾ Палласъ. Путешествіе III, пол. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебного доказательства, отъ „божьяго суда“ ордалій заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественнаго существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣетъ мѣсто при примѣненіи ордалій, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопредѣленнаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди остяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается вполне естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у остяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австраліи. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культѣ что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представленій о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различныя источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическія вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основѣ поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ

и опредѣленіе источника происхожденія употребительной остиа-^ами медвѣжьей присяги.

Почитаніе медвѣдя не можетъ быть поставлено въ связь съ фетишизмомъ. Культъ, вытекающій изъ послѣдняго, имѣетъ всегда объектомъ опредѣленный, индивидуальный предметъ, а не видъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ культѣ медвѣдя, гдѣ всѣ медвѣди считаются одинаково священными, всѣ имѣютъ право требовать въ отношеніи къ себѣ опредѣленныхъ формъ почитанія. Въ случаяхъ, когда весь видъ животныхъ, растений, предметовъ и пр. считается надѣленнымъ сверхъестественными способностями, не можетъ быть рѣчи о фетишизмѣ. Поэтому, хотя въ вѣрованіяхъ остиаковъ и многихъ другихъ русскихъ сѣверныхъ инородцевъ фетишизмъ, въ своемъ подчасъ крайне примитивномъ и грубомъ видѣ, занимаетъ немаловажное мѣсто и во всякомъ случаѣ представляетъ еще вполне жизненное явленіе, въ немъ нѣтъ возможности искать источника появленія культа медвѣдя. Остается, слѣдовательно, искать основу его происхожденія или въ тотемизмѣ или въ чувствѣ страха, которое внушаетъ первобытному охотнику животное, борьба съ которымъ представляетъ особенныя опасности или желаніе свискать благосклонность полезнаго животного. Изъ этихъ источниковъ мнѣ кажется болѣе основательнымъ остановиться на тотемизмѣ.

Тотемомъ, слѣдую опредѣленію Фрэзера ¹⁾, считается *классъ* предметовъ, на которые дикарь смотритъ съ суевѣрнымъ страхомъ, вѣруя, что между нимъ и *каждымъ членомъ этого класса* существуетъ тѣсная и совсѣмъ особенная связь. Изученіе тотемизма, какъ извѣстно, доказало, что тотемы могутъ быть личными и групповыми. Послѣдніе въ свою очередь могутъ быть семейными, родовыми, племенными и т. д. Далѣе извѣстно, что весьма характерной, хотя и не непремѣнной чертой тотемизма, является убѣжденіе, что между группой и ея тотемомъ существуетъ генетическая связь, т. е. что тотемъ—животное, растение и т. д.—оказывается предкомъ членовъ данной группы. На почвѣ этихъ вѣрованій возникаетъ рядъ обычаевъ и обрядовъ, которыми отличается тотемизмъ. Тотемическія представленія развиваются и видоизмѣняются соотвѣтственно съ культурнымъ ростомъ племени и приводятъ посте-

¹⁾ Frazer: Totemism, 1.

пенно къ поклоненію животному, какъ таковому: въ этомъ фазисѣ своего развитія зоолатрія, возникшая изъ тотемизма, настолько по внѣшнимъ признакамъ походитъ на зоолатрію, развившуюся изъ чувства страха дикаря предъ опаснымъ звѣремъ, что отыскать тотемическія основы не всегда оказывается легкой задачей. Намъ предстоитъ такимъ образомъ рассмотреть типичныя черты культа медвѣдя у нашихъ инородцевъ и отмѣтить тѣ стороны его, которыя могутъ быть объяснены исключительно изъ древнихъ тотемическихъ представленій.

Культъ медвѣдя въ настоящее время не носитъ ни у остяковъ, ни у другихъ народовъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, опредѣленныхъ чертъ тотемизма. Тотемическія вѣрованія остяковъ, предполагая, что они когда-нибудь существовали, уступили въ настоящее время другимъ, болѣе высокимъ религіознымъ представленіямъ, спиритуалистическому взгляду на высшія существа; какъ наглядный остатокъ древнѣйшихъ вѣрованій и культа, сохраняется однако широко практикуемый фетишизмъ. Медвѣдь пользуется почитаніемъ, но уже не въ качествѣ тотема. Намъ не извѣстно преданій, повѣствующихъ о происхожденіи остяковъ отъ медвѣдя; самъ культъ не носитъ характера родового или семейнаго, что оказывается чрезвычайно типичнымъ для тотемическаго культа; наконецъ, тотема обыкновенно берегутъ, не употребляють въ пищу, — медвѣдя остяки считаютъ лакомымъ блюдомъ. Если почитаніе медвѣдя и носитъ черты, которыя мы находимъ и въ тотемическомъ культѣ, то многія изъ нихъ находятъ себѣ аналогіи и въ зоолатрическомъ культѣ, возникшемъ изъ страха или стремленія къ почитанію полезнаго животного; а тѣ черты, которыя имѣютъ связь съ тотемизмомъ, исполняются уже безсознательно, сохранившись въ качествѣ послѣдія сѣдой старины. Однимъ словомъ, культъ медвѣдя у остяковъ *въ настоящее время* не можетъ быть признанъ тотемическимъ, потому что остяки не признають никакой связи между собой и медвѣдами, а также оттого, что, по справедливому замѣчанію Марилъе ¹⁾, если извѣстный ритуаль оказывается дѣйствительно тотемическимъ, то обоготворяемое существо не можетъ быть священнымъ существомъ всего племени и тѣмъ

¹⁾ Marillier: La place du totémisme dans l'évolution religieuse. Revue de l'hist. d. rel. XXXVI, 2, стр. 231.

меняе всей народности; если же мы имѣемъ дѣло съ существомъ, признаваемымъ священнымъ цѣлымъ народомъ, то ритуальные обычаи хотя и являются подчасъ аналогичными тотемическимъ, хотя они и преслѣдуютъ иногда тѣ же цѣли, но они уже не могутъ быть признаваемы за тотемическіе.

Но, съ другой стороны, отрицать существованіе тотемическаго характера зоолатріи въ *современныхъ* вѣрованіяхъ народности еще не значитъ отрицать *возможность происхожденія* ея изъ забытыхъ въ настоящее время тотемическихъ вѣрованій.

Фрэзеръ, подвергшій обстоятельному разбору обычаи и обряды, связанные съ культомъ медвѣдя ¹⁾, склоненъ производить его и аналогичные культы изъ чувства страха, внушаемаго дикарю животнымъ, опасеніемъ, что убитое животное, если его не почитать, будетъ мстить охотнику и пр; однимъ словомъ, пользуясь выраженіемъ Фрэзера, если при тотемизмѣ не употребляютъ животное въ пищу, потому что его чтутъ, то здѣсь наоборотъ животное чтутъ, потому что его употребляютъ въ пищу. Оба представленія могутъ свободно уживаться въ міровоззрѣніи дикаря: тотема, какъ общее правило, не употребляютъ въ пищу, и если употребляютъ, то рѣдко и лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Другихъ крупныхъ представителей фауны употребляютъ въ пищу, но ихъ стараются умиловить различными способами. Къ этому же объясненію происхожденія культа медвѣдя, въ частности и у остяковъ, склоняется Алквистъ и Марилье: ²⁾ остяки, еоряки или краснокожіе сѣв. Америки, вынужденные убить медвѣдя, стараются путемъ очистительныхъ дѣйствій успокоить духъ убитаго и при помощи различныхъ средствъ отнести вину совершеннаго убійства на другихъ. Въ всякаго сомнѣнія, что эти черты оказываются преобладающими при исполненіи обрядовъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Остяки, равно и вогулы вѣрують въ сверхъестественную силу медвѣдя; онъ звѣрь, особенно и преимущественно почитаемый. Его остяки и вогулы, какъ и многіе другіе инородцы Россіи, равно и русскіе крестьяне многихъ мѣстностей, опасаются на-

¹⁾ Frazer: The golden Bough, II, стр. 99—135.

²⁾ Marillier: La place du totémisme etc., l. c., стр. 217. Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken, стр. 297.